

кализмомъ тотъ, кто весь прикованъ къ имманентному міру и не можетъ даже въ воображеніи представить себѣ міръ иной? Не антиномично-ли, что человѣкъ полный страстей, гнѣвный до того, что, когда у него въ имѣніи сдѣлали обыскъ, онъ пришелъ въ бѣшенство, требовалъ, чтобы это дѣло доложили Государю, чтобы ему дали общественное удовлетвореніе, грозилъ навсегда покинуть Россію, что человѣкъ этотъ проповѣдывалъ вегетаріанскій, малокровный идеаль непротивленія злу? Не антиномично-ли, что русскій до мозга костей, съ національнымъ мужицко-барскимъ лицомъ, онъ проповѣдывалъ чуждую русскому народу англо-саксонскую религіозность? Этотъ гениальный человѣкъ всю жизнь искалъ смысла жизни, думалъ о смерти, не зналъ удовлетворенія, и онъ же былъ почти лишень чувства и сознанія трансцендентнаго, былъ ограниченъ кругозоромъ имманентнаго міра. Наконецъ, самая разительная толстовская антиномія: проповѣдникъ христіанства, исключительно занятый Евангеліемъ и ученіемъ Христа, онъ былъ до того чуждъ религіи Христа, какъ мало кто былъ чуждъ послѣ явленія Христа, былъ лишень всякаго чувствованія личности Христа. Эта поражающая, непостижимая антиномичность Л. Толстого, на которую недостаточно было еще обращено вниманіе, есть тайна его гениальной личности, тайна судьбы его, которая не можетъ быть вполнѣ разгадана. Гипнозъ толстовской простоты, почти библейскій стиль его прикрываютъ эту антиномичность, создаютъ иллюзію цѣльности и ясности. Л. Толстому суждено сыграть большую роль въ религіозномъ возрожденіи Россіи и всего міра: онъ съ гениальной силой обратилъ современныхъ людей вновь къ религіи и религіозному смыслу жизни, онъ обозначилъ собой кризисъ историческаго христіанства, онъ—слабый, немощный религіозный мыслитель, по стихіи своей и сознанію чуждый тайнамъ религіи Христа, онъ—раціоналистъ. Раціоналистъ этотъ, проповѣдникъ разсудочно-утилитарнаго благополучія потребовалъ отъ христіанскаго міра безумія во имя послѣдовательнаго исполненія ученія и заповѣдей Христа и заставилъ христіанскій міръ задуматься надъ своей нехристіанской, полной лжи и лицемерія жизнью. Онъ—страшный врагъ христіанства и предтеча христіанскаго возрожденія. На гениальной личности и жизни Льва Толстого лежитъ печать какой-то особой миссіи.